

ЗАПИСКИ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

ЗВЕЗДНЫЙ

— Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, — объявил однажды Холмс, когда мы уселись завтракать.

— Уехать? Куда же?

— В Дартмур, Кингз-Пайленд.

Я ничуть не удивился. Гораздо более удивляло меня то, что Холмс до сих пор не включился в расследование сенсационного дела, о котором в стране толковали на каждом углу. Весь день мой сосед, нахмутив брови, с поникшей головой мерил шагами комнату и поминутно набивал трубку крепчайшим черным табаком; моих вопросов и замечаний он словно и не слышал. Пачки свежих газет, присылаемых нам из новостного агентства, он лишь мельком просматривал и швырял в угол. Однако, несмотря на его молчание, мне отлично было известно, чем заняты его мысли. Только одна загадка, волновавшая общество, могла привлечь его аналитический ум: невероятное исчезновение беговой лошади — фаворита предстоящих скачек на кубок Уэссекса и зверское убийство его тренера. Поэтому, когда Холмс внезапно заявил о своем намерении отправиться туда, где разыгралась эта драма, это лишь подтвердило мои надежды и ожидания.

— Если не помешаю, то охотно отправлюсь вместе с вами, — сказал я.

— Дорогой Ватсон, вы окажете мне этим огромную услугу. Полагаю, время попусту не потратите: судя по некоторым данным, дело обещает оказаться единственным в своем роде. Мы, кажется, успеваем сесть на поезд в Паддингтоне, а по дороге я поделюсь с вами подробностями. Вы очень меня обяжете, если захватите с собой ваш превосходный полевой бинокль.

И вот часом-другим позже я очутился в углу вагона первого класса на пути в Эксетер. Сидя напротив меня, Шерлок Холмс, в охотничьей шапке с наушниками, с напряженным вниманием перелистывал кипу газет, купленных им на вокзале. Мы уже давно миновали Рединг, когда он кинул под сиденье последнюю газету и протянул мне портсигар.

— Скорость у нас приличная, — заметил он, взглянув в окно, а потом на часы. — Делаем сейчас пятьдесят три с половиной мили в час.

— Мне что-то не попало на глаза ни одного дорожного столбика.

— Мне тоже. Но расстояние между телеграфными столбами на этой линии составляет шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость проще некуда. Вы, наверное, уже слышаны об убийстве Джона Стрейкера и о пропаже рысака Звездного?

— Сужу по отчетам, опубликованным в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Перед нами один из тех случаев, когда умение логически мыслить следует применять скорее к отбору фактов, нежели к поискам новых свидетельств. Случай этот настолько необычный и трагический, так близко затрагивает судьбы многих людей, что мы

страдаем от переизбытка догадок, предположений и гипотез. Трудность заключается в том, чтобы отделить достоверную и неоспоримую основу от наслоений, измышленных репортерами и любителями строить теории. Затем наш долг — опираясь на надежный фундамент, нащупать выводы, которые можно извлечь из сопоставления фактов, и установить ключевые обстоятельства этого дела. Во вторник вечером я получил телеграммы и от полковника Росса — владельца лошади, и от инспектора Грегори, расследующего это дело, с просьбой о содействии.

— Во вторник вечером? — воскликнул я. — А сейчас утро четверга. Почему же вы не отправились туда вчера?

— Дорогой Ватсон, это мой промах. Боюсь, что допускаю ошибки куда чаще, чем можно предположить, исходя единственно из ваших обо мне записок. Я и мысли не допускал, что самого знаменитого в Англии рысака сумеют прятать так долго — тем более в столь малонаселенном краю, как север Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия о том, что лошадь найдена, а похитителем оказался убийца Джона Стрейкера. Когда же наутро выяснилось, что не произошло ничего, кроме ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовал: пора действовать. Но, думается мне, вчерашний день не пропал даром.

— У вас сложилась какая-то версия?

— Мне, по крайней мере, удалось напасть в этом деле на самое главное. Перечислю вам наиболее существенные факты: лучший способ докопаться до сути — изложить всю историю собеседнику. И вряд ли стоит рассчитывать на вашу поддержку, если я не обрисую вам нашу стартовую диспозицию.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и тыкая длинным указательным пальцем в ладонь левой руки, чтобы подчеркнуть главные детали, принялся повествовать о событиях, побудивших нас к путешествию.

— Рысак по кличке Звездный, — начал он, — потомок прославленного Айсономи, унаследовавший все его блестящие качества. Сейчас ему идет пятый год, и на скаковой дорожке он завоевал для своего счастливого владельца — полковника Росса — все возможные призы. До момента катастрофы он считался главным фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три против одного. Впрочем, Звездный неизменно ходил в фаворитах и никогда не разочаровывал публику, поэтому даже при кажущемся перевесе соперников на него ставили громадные суммы. Ясно, что слишком многие были крайне заинтересованы в том, чтобы в ближайший вторник Звездный не стоял на старте, когда судья взмахнет флагом.

Разумеется, это прекрасно сознавали и в Кингз-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Для охраны фаворита были приняты все меры предосторожности. Тренер Джон Стрейкер прежде служил жокеем у полковника, пока не набрал веса сверх нормы. Жокеем он пробыл пять лет и семь — тренером, всегда исполняя свои обязанности ревностно и добросовестно. Под его началом было трое молодых помощников: в конюшне содержалось всего четыре лошади. Ночью один паренек дежурил в конюшне, остальные спали на сеновале. Все трое рекомендовали себя с самой лучшей стороны. Джон Стрейкер жил с женой в небольшом домике в двухстах ярдах от конюшни. Супруги бездетны, обеспе-

чены неплохо, держат служанку. Окружающая местность довольно пустынна, но около мили к северу некий подрядчик из Тэвисток выстроил несколько коттеджей для всех, кто желает поправить здоровье или просто насладиться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток расположен в двух милях к западу, по другую сторону вересковой пустоши находится Кейплтон — более обширная конюшня, принадлежащая лорду Бэкуотеру; управляет ею Сайлас Браун. Вокруг простирается совершенно безлюдная пустошь, куда порой забредают только цыгане. Таковы декорации той драмы, которая разыгралась на их фоне в минувший понедельник.

Накануне вечером лошадей, как обычно, тренировали, затем напоили, и в девять часов конюшню заперли на замок. Двое пареньков пошли в домик тренера, где на кухне их накормили, а третий конюх — Нэд Хантер — остался сторожить. В начале десятого служанка (по имени Эдит Бакстер) принесла ему ужин — баранину с острым соусом карри. Питья не взяла, так как в конюшне есть водопроводный кран, а ничего, кроме воды, на дежурстве пить не полагалось. Девушка несла с собой фонарь: уже стемнело, а дорожка к конюшне вела через пустошь.

Ярдах в тридцати от конюшни из темноты вынырнул человек и окликнул Эдит Бакстер. В круге желтого света от фонаря она увидела мужчину в гетрах — с виду джентльмена, одетого в серый твидовый костюм. На голове у него была матерчатая кепка, в руках он держал тяжелую трость с набалдашником. Девушку, однако, поразило его белое как мел, взволнованное лицо. Лет, по ее прикидкам, ему было, скорее всего, за тридцать.

«Не скажете ли, где я нахожусь? — спросил мужчина. — Я уже собрался заночевать под открытым небом, но тут увидел свет вашего фонаря».

«Вы в Кингз-Пайленде, поблизости от конюшни полковника Росса», — ответила девушка.

«Неужели? Вот так удача! — воскликнул незнакомец. — Один из младших конюхов, кажется, дежурит там каждую ночь. Вы, наверное, несете ему ужин? Думаю, вы не такая гордячка, чтобы отказаться от дежки на новое платье, не правда ли? — С этими словами он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги. — Передайте это сейчас конюху, и самое нарядное платье будет вашим».

Перепуганная такой настойчивостью, девушка ринулась мимо незнакомца к окошку конюшни, через которое обычно передавала еду. Окошко было уже распахнуто, Хантер сидел возле него за столиком. Не успела Эдит рассказать о происшествии, как незнакомец вновь оказался рядом с ней.

«Добрый вечер! — заглянув в окошко, произнес он. — Мне нужно с вами поговорить».

Девушка уверяет, будто заметила в его стиснутой руке бумажный пакетик.

«Что вам тут за дело?» — буркнул юноша.

«Дело, которое может заметно пополнить ваш карман. Два ваших жеребца — Звездный и Баярд — участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Выложите мне все начистоту — и внакладе не останетесь. Правда ли, что в забеге с весовым гандикапом Баярд после пяти фарлонгов будет опережать Звездного на сотню ярдов и что ваше заведение делает ставку именно на него?»

«А, так вы явились сюда поразножывать! — закричал Хантер. — Ну, так я вам покажу, как мы в Кингз-Пайленде обходимся с такими молодчиками».

Конюх вскочил и бросился в угол конюшни — спустить с цепи собаку. Девушка побежала обратно к дому, но, оглянувшись, увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Впрочем, когда минуту спустя Хантер выскочил из конюшни с собакой, неизвестного и след простыл: obeжав все постройки, Хантер нигде его не обнаружил.

— Пойдите! — перебил я. — Когда конюх убежал из конюшни с собакой, он оставил дверь незапертой?

— Превосходно, Ватсон, превосходно! — с улыбкой отозвался мой спутник. — Это обстоятельство показалось мне настолько важным, что для выяснения его я послал вчера в Дартмур срочную телеграмму. Запереть дверь Хантер не забыл. Могу добавить, что в окошко взрослому человеку не влезть.

Хантер дождался возвращения сотоварищей и послал одного из них к тренеру сообщить о происшествии. Стрейкер обеспокоился, хотя, по-видимому, недооценил его истинное значение. Смутная тревога, впрочем, его не оставляла: миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, как муж одевается. В ответ на ее расспросы он пояснил, что не может заснуть, поскольку волнуется за лошадей, и намерен сам убедиться, все ли в конюшне благополучно. Миссис Стрейкер умоляла его не выходить из дома: шел сильный дождь, но супруг, не слушая ее уговоров, накинул непромокаемый плащ и ушел.

Миссис Стрейкер проснулась в семь утра. Муж еще не вернулся. Она поспешно оделась, позвала служанку — и вместе они направились к конюшне. Дверь была отворена; Хантер сидел на стуле скрючившись, без признаков сознания; стойло фаворита пустовало, главный тренер отсутствовал.

Немедля разбудили двух других конюхов, спавших наверху, где нарезали солому. Растолкать их всегда не просто, так что ночью они, конечно, ничего не слышали. Хантер явно находился под действием какого-то сильного зелья, и добиться от него вразумительных слов было нельзя. Женщины и конюхи оставили его отсыпаться и побежали на поиски пропавших. Они все еще надеялись, что Стрейкер по неведомой причине ни свет ни заря вывел Звездного на тренировку. Возбравшись на холмик, откуда открывался широкий вид на пустошь, фаворита они нигде не увидели, зато обнаружили нечто, от чего сердца у них забились в тревоге.

Приблизительно в четверти мили от конюшни на куст дрока был наброшен плащ Джона Стрейкера. Сразу за кустом находилась пологая ложбинка, на дне которой нашли тело несчастного тренера. Его голову размозжил страшный удар какого-то тяжелого орудия; бедро было рассечено длинным ровным разрезом, нанесенным, очевидно, чрезвычайно острым инструментом. Стрейкер, вне сомнения, яростно сопротивлялся нападшим: в правой руке он сжимал ножичек, покрытый до самой рукоятки запекшейся кровью, а в левой держал красно-черный шелковый шарф, который, по словам служанки, она видела на шее незнакомца, навестившего конюшню накануне вечером.

Хантер, придя в себя, подтвердил ее показания. Кроме того, он не сомневался, что пришелец, стоя у окошка, подсыпал в тарелку с бараниной снотворное и конюшня оказалась без сторожа.

Что касается пропавшего жеребца, то многочисленные следы копыт на заболоченной почве роковой ложбинки неоспоримо свидетельствуют: Звездный

был там во время схватки. С того утра, однако, его никто не видел. За известия о нем предложено огромное вознаграждение; всем дартмурским цыганам было поручено смотреть в оба, однако до сих пор о фаворите ни слуху ни духу. И наконец, анализ остатков злополучного ужина показал, что в него подсыпали солидную дозу опиума, тогда как обитатели домика ели в тот вечер то же блюдо без малейших неприятных последствий.

Вот основные факты по этому делу. Я изложил их, стараясь избегать любых домыслов. Перечислю меры, предпринятые полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено расследование, человек в высшей степени толковый. Будь он наделен воображением, то достиг бы в своей профессии настоящих высот. По прибытии на место он незамедлительно нашел и арестовал субъекта, на которого естественным образом пали подозрения. Отыскать его было нетрудно, поскольку в здешних краях он хорошо известен. Имя его, как сообщают, Фицрой Симпсон. Происходит из благородного рода, получил прекрасное образование, но растратил все состояние на скачках, а теперь перебивается потихоньку букмекерством в спортивных клубах Лондона. В его записной книжке обнаружили несколько записей о пари до пяти тысяч фунтов против фаворита.

После ареста он открыто признался, что ездил в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингз-Пайленда, а также о Десборо — втором фаворите нынешних скачек, которого опекает Сайлас Браун в конюшне Кейплтона. Симпсон ни словом не оспаривал свидетелей своего вчерашнего поведения,

однако утверждает, что не замышлял никакого злодеяния, а всего лишь хотел получить данные из перчаточных рук. При виде шарфа он сильно побледнел и не сумел объяснить, каким образом тот оказался в руке убитого. Влажная одежда Симпсона свидетельствовала о том, что ночью он попал под дождь, а его пенная трость, налитая свинцом, вполне могла послужить тем самым оружием, которым тренеру были нанесены смертельные удары.

С другой стороны, на нем нет ни единой царапины, тогда как кровь на ножичке Стрейкера указывает на то, что в схватке был ранен хотя бы один из нападавших. Вот вкратце все, что мне известно, и я бесконечно буду вам признателен, Ватсон, если вы сможете пролить свет на это дело.

Я с величайшим интересом выслушал рассказ Холмса, изложенный с присущей моему другу предельной ясностью. Хотя со многими из фактов я был уже знаком, оценить их соотношение и взаимосвязь было непросто.

— А не могло случиться так, — предположил я, — что Стрейкер сам себя порезал ножом при конвульсиях, вызванных повреждением головного мозга?

— Это более чем возможно; это вероятно. В этом случае обвиняемый лишается одной из главных улик, которая пошла бы ему на пользу.

— И все же, — продолжал я, — даже и теперь я не в силах уразуметь, на какой версии полиция могла бы остановиться.

— Боюсь, что против любой теории найдутся самые серьезные возражения. Насколько я понимаю, в полиции считают, что Фицрой Симпсон, одурманив паренька, отпер конюшню дубликатом ключа, кото-

рый он каким-то образом раздобыл, и увел жеребца предположительно с очевидным намерением его похитить. Уздечки в конюшне нет: значит, Симпсон ею воспользовался. Далее, оставив дверь распахнутой, он повел лошадь через пустошь, где его встретил или настиг тренер. Разумеется, завязалась драка. Симпсон проломил голову Стрейкера массивной тростью, сам не получив ни царапины от ножичка, которым оборонялся Стрейкер. Затем похититель либо увел лошадь в некое укрытие, либо она вырвалась и укакала во время схватки — и сейчас бродит по пустошам. Так видится полиции. Версия маловероятная, но все прочие вероятны еще меньше. Впрочем, на месте я сумею довольно быстро ее проверить, а до того не вижу способа хотя бы немного продвинуться в нашем расследовании.

К вечеру мы добрались до Тэвистока — это небольшой городок, расположенный, подобно умбону на щите, посредине просторного Дартмурского плоскогорья. На станции нас ожидали двое: рослый бородатый блондин с львиной гривой и пронизательным взглядом светло-голубых глаз; рядом — коренастый подвижный джентльмен в щегольском сюртуке и в крагах, с холеными бакенбардами и моноклем. Это были инспектор Грегори, приобретавший все более весомую репутацию в английской сыскной службе, и полковник Росс, известный поклонник спорта.

— Рад видеть вас, мистер Холмс, — сказал полковник. — Инспектор сделал все, что от него зависело, но я готов пустить в ход любые средства, лишь бы сквитаться за гибель бедняги Стрейкера и вернуть моего коня.

— Есть что-то новенькое? — осведомился Холмс.

— К сожалению, до сих пор толчем воду в ступе, — ответил инспектор. — У нас открытая коляска, а вы наверняка не прочь осмотреть место происшествия, пока не стемнело. Давайте поедем и в пути поговорим.

Через минуту удобное ландо, стуча колесами, катило нас по причудливым улицам старинного девонширского городка. Инспектор Грегори, с головой ушедший в порученное ему дело, без умолку делился с Холмсом своими соображениями, а мой друг лишь изредка хмыкал или задавал вопрос. Полковник, сложив руки на груди и надвинув шляпу поглубже, хранил молчание, тогда как я с интересом вслушивался в беседу двух детективов. Грегори излагал версию, почти в точности совпадающую с той, какую Холмс поведал мне в поезде.

— Наша сеть стягивается вокруг Фицроя Симпсона. По моему мнению, преступник именно он. Впрочем, отдаю себе отчет в том, что все улики против него — косвенные и могут быть опровергнуты; если вскроются новые обстоятельства, обвинение окажется ложным.

— А как насчет ножа Стрейкера?

— Мы пришли к твердому выводу, что при падении он поранил себя сам.

— Мой друг доктор Ватсон по дороге сюда выдвинул такое же предположение. Если так, то это не в пользу Симпсона.

— Несомненно. Ножа у него нет, ран на теле никаких. Улики против него действительно самые что ни на есть серьезные. Он был крайне заинтересован в устранении фаворита. Он подозревается в отравлении юноши-конюха; он явно промок под дождем;

был вооружен тяжелой тростью; наконец, именно его шарф убитый сжимал в руке. Для суда присяжных, полагаю, этого вполне достаточно.

Холмс покачал головой:

— Умный адвокат превратит все эти доводы в труху. Зачем Симпсону понадобилось выводить лошадь из конюшни? Если он собирался ее искалечить, то мог бы сделать это и там. Дубликата ключа у него не нашли, ведь так? Что за аптекарь продал ему порошок опиума? И самое главное: где, в каком закоулке приезжий из Лондона, незнакомый с местностью, сумел спрятать жеребца, да еще столь знаменитого? Интересно, что он говорит о листке, который намеревался передать конюху через служанку?

— Говорит, что это была десятифунтовая банкнота. Такая же лежала у него в кошельке. На прочие ваши вопросы ответить легче, чем кажется. Симпсон в этих краях вовсе не чужак. Летом он дважды жил в Тэвистоке. Опиум, по-видимому, привез из Лондона. Ключ за ненадобностью мог и выкинуть. Лошадь, должно быть, лежит на дне какой-нибудь ямы или заброшенного рудника.

— А что он говорит про шарф?

— Признает в нем свою собственность, но утверждает, что где-то его потерял. Между тем вскрылось одно обстоятельство, способное объяснить, зачем Симпсон увел Звездного из конюшни.

Холмс наострил уши.

— Установлено, что в ночь с понедельника на вторник на расстоянии мили от места убийства расположился цыганский табор. Во вторник утром они куда-то перекочевали. Если предположить, что Симпсон

заранее вступил с ними в сговор, то лошадь, когда его перехватили, он отвел именно к ним, и она до сих пор в таборе.

— Вполне допустимо.

— В поисках табора пустошь тщательно прочесали. Я самолично проверил также все конюшни и на дворные постройки не только в Тэвистокке, но и в радиусе десяти миль.

— Насколько мне известно, поблизости находится еще одна конюшня, в которой тренируют скаковых лошадей?

— Да, и этот фактор мы непременно должны учитывать. Их жеребец Десборо котирировался вторым претендентом на приз, а потому исчезновение фаворита их очень устраивало. Известно, что тренер Сайлас Браун сделал на этот забег крупные ставки и с беднягой Стрейкером скорее враждовал. Мы, разумеется, обследовали эту конюшню, но ничего подозрительно не обнаружили.

— А нет ли указаний на то, что Симпсон был заинтересован в успехе питомцев Кейплтона?

— Ровным счетом никаких.

Холмс откинулся на спинку сиденья, и разговор прекратился. Через несколько минут наш экипаж подъехал к стоящему у дороги приятному на вид кирпичному домику с выступающим свесом крыши. Недалеке, по другую сторону загона, виднелось длинное строение, крытое серой черепицей. Вокруг, до самого горизонта, простиралась всхолмленная пустошь, бронзовая от увядающих папоротников; однообразие пейзажа нарушали только островерхие крыши Тэвистокки и теснившиеся к западу постройки кейплтонской конюшни. Мы спустились с коляски, за исключе-

Содержание

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Звездный. <i>Перевод С. Сухарева</i>	7
Желтое лицо. <i>Перевод С. Сухарева</i>	42
Биржевой маклер. <i>Перевод С. Сухарева</i>	67
«Глория Скотт». <i>Перевод С. Сухарева</i>	92
Обряд рода Масгрейвов. <i>Перевод С. Сухарева</i>	119
Райгейтские сквайры. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	145
Увечный. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	171
Домашний пациент. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	194
Грек-переводчик. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	217
Морской договор. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	241
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	285

ИЗ СБОРНИКА «АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА»

Сиятельный клиент. <i>Перевод С. Сухарева</i>	311
Камень Мазарини. <i>Перевод С. Сухарева</i>	349
«Три фронтона». <i>Перевод Л. Бриловой</i>	373
Вампир в Сассексе. <i>Перевод С. Сухарева</i>	396
Три Гарридеба. <i>Перевод С. Сухарева</i>	420